

Путешествовать в человеческом облике по-прежнему глупо и скучно, но на этот раз Кураме хотя бы есть чем занять свое внимание.

"Как тебе такой красный цвет? Ты его покрасил?"

Сидя на плече Курамы и обхватив его ноги руками, Нахо гладит его волосы, расчесывая пряди, словно ища скрытый под ними настоящий цвет. Курама слегка закатывает глаза, чтобы она этого не видела, но отвечает так терпеливо, как только может: "Нет. Это просто так".

Он, правда, немного недоумевает, почему он просто не выглядит как Наруто, хотя и благодарен за это. Просто знать, что это тело Наруто, достаточно плохо. Еще хуже было бы видеть, как его потерянный джинчуурики смотрит на него каждый раз, когда он смотрится в зеркало. Впрочем, он еще даже не сделал этого, несмотря на то, что это было последнее предложение Наруто, и несмотря на то, что в гостинице у него была такая возможность.

Это будет окончательно, с грустью подумал Курама. Как бы он ни был благодарен, но, взглянув в зеркало, он с уверенностью убедится, что он - единственный обитатель этой формы, что от Наруто в ней почти ничего не осталось. Может быть, основная форма и кровь, на которую Курама претендует под своей фамилией, но... все остальное будет Курамой, и если цвет кожи и волос будет соответствовать действительности, то он будет очень мало похож на своего потерянного друга.

Гончая наблюдает за ними краем глаза: фарфоровая маска по-прежнему скрывает его лицо, но язык тела насторожен. То, что он снова идет рядом с ними, уже хорошо: он снова пошел к деревьям, как только Нахо очнулась от сна и снова захотела общаться. Курама изо всех сил игнорирует мужчину, хотя ему неприятно осознавать, что это действительно один из дорогих Наруто людей, более или менее. Может, не совсем, может, еще нет, но... основа есть. Конечно, Наруто хотел бы, чтобы он помог ему, несмотря на то, что Курама лишь смутно представляет себе, как это сделать.

В конце концов, это не любимый Наруто учитель-извращенец, с порнографической книгой перед лицом, готовый с обезоруживающей, обманчивой улыбкой в тот момент, когда кто-нибудь попытается воспринять его всерьез. Это Гончая АНБУ, настороженная, но молчаливая, с грузом старой, полуистлевшей мрачности вокруг, от которой у Курамы сводит зубы.

Он не помнит почти ничего из истории Гончей, кроме тех моментов, где она пересекалась с историей Наруто. Немного об АНБУ, мимолетное воспоминание о том, что другой сенсей этого парня, Ямато, когда-то служил под его началом, упоминание о том, что Итачи когда-то делал то же самое. Мало что еще он может использовать, чтобы судить, где он находится в данный период времени, и было бы подозрительно случайно спросить, как давно произошло нападение Кюуби - особенно, мрачно думает Курама, если оно еще не произошло.

Появление Какудзу было подсказкой и, по крайней мере, означает, что он вернулся где-то до первых экзаменов Наруто на чуунина. Хидан был новым членом Акацуки, когда они начали всерьез охотиться на биджуу, и если его там нет, то организация, вероятно, все еще набирает

силу. Возможно, нахождение Хана было случайным совпадением, а может, они начали с самого слабого и наименее защищенного джинчуурики, ведь Хан известен скорее своим тайдзюцу с паровым усилением, чем какими-либо яркими ниндзюцу, а большинство остальных настороже или заперты. Временная шкала все еще не определена, и Курама начинает теряться в догадках. Если...

"Эй, эй!" щебечет Нахо, дергая Кураму за волосы и заставляя его вскрикнуть. "Ты тоже папа, Курама?"

Какого черта? Курама недоверчиво смотрит на девочку, сидящую у него на плече, но перед лицом ее восторженного взгляда не может вымолвить ни слова. Вздохнув, он закатывает глаза и говорит: "Нет".

Выражение ее лица слегка сморщивается, и Курама с диким ужасом при мысли о новых слезах пролепетала: "Но у меня есть братья и сестры".

Выражение лица Нахо становится ярким, как будто он щелкнул выключателем - более чем достаточно быстро, чтобы в голове Курамы проскользнула струйка подозрения, но оно быстро забывается, когда она говорит: "Есть? О! И сколько? Я всегда хотела иметь младшую сестренку".

Курама колеблется, раздумывая, но... какого черта. Не похоже, чтобы биджуу были широко известны по своим настоящим именам, а не по хвостам. И все же, наверное, лучше избегать упоминания Шукаку - проклятый тануки имеет дурную привычку представляться или хвастаться своим именем в разгар своих буйств, и хотя Гончая вряд ли поймет, что к чему, Курама не хотел бы рисковать тем, что его вырвут из этого тела и запечатают в другое.

Если это вообще возможно. Ему немного любопытно, но не настолько, чтобы проверить это.

"Я бы отдал тебе свою, - сухо отвечает Курама, - но у меня нет сестры. Вместо нее у меня восемь братьев". Насколько он знает, биджуу выбирают пол добровольно, но большинство из них используют мужские местоимения или мужские имена. Чомей - единственная, кого он назвал бы женщиной, а может, и не женщиной, но, учитывая то, как разговаривает Нанаби, он не собирается делать такой выбор, пока не спросит. Пока что он будет придерживаться стандартного варианта.

"Восемь?" В голосе Нахо звучит удивление.

Курама быстро улыбается ей, слегка пригибаясь, чтобы не удариться головой о ветку. По мере продвижения к Конохе леса становились все гуще, и они шли среди деревьев уже не менее двух часов. "Да. Я самая старшая". На двенадцать секунд, но это считается, а Шукаку может просто пойти пососать лимон. "Они все очень глупые, хотя и сильные. Мататаби любит бегать по горам, чтобы повеселиться, а Сайкен постоянно пускает пузыри". Ну, это его джинчуурики, а Курама знает Рокуби; Сайкен любит их не меньше, чем его хозяин. Кроме того, немного приукрашивания никому не повредит, а Нахо вряд ли когда-нибудь встретится с другими

биджуу.

Нахо хихикает, наконец-то оставив волосы Курамы, чтобы потянуться вверх и сорвать красивые листья. "Держу пари, ты живешь в огромном доме", - говорит она, широко раскидывая руки. "Тебе нужно восемь спален, и большая кухня, и большой стол, и..." Она прерывается, лицо немного скривилось, так как она явно пыталась вспомнить все.

Курама не может сдержать слабую, в основном грустную улыбку, хотя и не дает ей этого увидеть. В последний раз он видел всех своих собратьев по биджу в одном месте, когда они готовились впервые победить Кагую. К тому моменту, когда они поняли, что ей удалось оставить следы себя по всему миру, а затем вернуться через них, Чомей и Исобу уже были поглощены. Кокуо скрылся, хотя в конечном итоге это ему не помогло, а все остальные попытались объединиться и сражаться, но их выманили и перебили. Единственными, кого Курама видел после этого, были Шукаку и Гьюки, в основном потому, что их джинчуурики присоединились к Наруто, возглавив сопротивление. Ичиби и Хачиби тоже присоединились к ним, хотя и ненадолго, но...

В конце концов Кагуя добралась до них. В конце концов она добралась до всех.

"Они тоже живут в Конохе?" спрашивает Нахо, наклоняясь, чтобы заглянуть ему в лицо, и Курама пытается стереть всю накопившуюся меланхолию.

"Нет", - удается ему после секундной борьбы. "Они живут далеко-далеко. Не думаю, что смогу увидеться с ними еще какое-то время".

Гончая бросает на него острый взгляд, в котором сквозит удивление, но Курама его игнорирует. Ему не хочется думать о том, что он выдает, и о том, какие предположения могут быть у АНБУ. Это не его дело. К тому же, если он будет думать об этом слишком много, комок в горле - глупый, глупый, потому что он не был близок с другими биджуу, не дружил с ними, не дружил, не дружил, хотя те, кого он знал, мертвы, как мертвы существа с чакрой - этот комок подавит его дыхание, а это определенно неблагородный способ умереть.

Наступает пауза, а затем маленькие руки Нахо обхватывают его макушку, обнимая единственную часть тела, которая находится в пределах досягаемости. "Мне жаль, Курама", - говорит она, и в ее голосе звучит грусть. Для него. Даже несмотря на то, что именно ее похитили бандиты и держали в заложниках неизвестно сколько времени. "Уверена, они очень по тебе скучают. Ты очень хороший старший брат".

Нет. Он даже не считает себя хорошим другом, но она вряд ли может об этом знать. "Спасибо, принцесса, - пробормотал он и нежно похлопал ее по колену. "Я уверен, что ты станешь отличной сестрой, если у тебя когда-нибудь появится такая возможность".

Она улыбается, совершенно довольная, и начинает болтать о куклах, нарядах и прочих вещах, которые она могла бы делать с сестрой, и ради собственного здравомыслия Курама почти все это пропускает мимо ушей, хотя и пытается издавать заинтересованные звуки в подходящие

моменты. Гончая, с горечью замечает он, снова отходит в сторону, как будто собирается скрыться в ветвях, но Курама следит за ним, трусом.

Воспоминания о том, как плохо он ладит с детьми, сменяются воспоминаниями о команде генинов Наруто, и Кураме приходится подавить смешок. Если кто и заслуживал того, чтобы на его плечи легли Узумаки Наруто, Учиха Саске и Харуно Сакура одновременно, так это он. И Курама имеет это в виду во всех мыслимых смыслах.

(Возможно, он все еще держит обиду за тот инцидент с Тысячей лет боли, но Курама об этом точно не расскажет).

<http://tl.rulate.ru/book/105579/3762937>